

НАЛИЧИЕ ВАРИАНТОВ В ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ. ИЗУЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ВАРИАНТОВ КАК ЭТАП В ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕНДЕНЦИЙ И ЖИВЫХ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

Рецензия на монографию С. Л. Попова «Русская грамматическая вариативность в когнитивно-эволюционном освещении» (Харьков : Міськдрук, 2014. – 304 с.)

При изучении процессов функционирования языков исследователю приходится сталкиваться с различными формами вариативности языковых средств, их своеобразной «избыточностью», порождаемой сложной историей каждой языковой системы. Однако, хотя сам факт существования вариативности широко известен, многие связанные с ней вопросы все еще недостаточно рассмотрены.

Проблема вариативности стала в последнее время предметом исследования многих лингвистов. Обусловливается это тем, что она до сих пор остается малоосвещенной как в теоретическом, так и в практическом плане. Так, не разрешен еще вопрос о границах изучаемого объекта, не определено его место в системе научного описания языка. Варьирование слов относят то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная стратификация вариантов). Мало изучена хронология возникновения и прекращения варьирования структурно и генетически различных языковых единиц. Спорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариативности: польза или вред для социального использования языковых средств.

В настоящее время в науке установлено, что вариативность — это объективное следствие языковой эволюции, непременный атрибут живого литературного языка. Однако многие словари современного языка согласно требованиям неосведомленной публики о законах развития языка и его сложной внутренней организации стараются пойти по пути предельного сокращения вариантов. Лингвисты призывают устранить колебания, стандартизировать язык. Однако, как отмечает К. Г. Горбачевич, искусственный прием приглушения языка является вынужденной (при ограниченном объеме словаря) и далеко не всегда эффективной мерой. Само же требование абсолютной инвариантности норм не способствует современному состоянию литературного языка (см.: Горбачевич К. Г. Вариативность и языковая норма / К. Г. Горбачевич. — М., 1978. — С. 3).

Таким образом, в настоящее время назрела настоятельная потребность обобщения и систематизации опыта практической нормализаторской деятельности и объективно-исторического исследования явления вариативности, которая и создает собственно проблему языковой нормы.

Изучение конкуренции вариантов является не только необходимым звеном в определении основных тенденций развития языка и создании динамической теории нормы. Так, функционально-исторический анализ вариантов позволяет в значительной мере объективировать оценки сложных и спорных фактов речи (что, в свою очередь, важно для нормализации и совершенствования лексикографии).

Сами термины *вариативность* и *варианты* (*варианты языка, варианты слова, варианты суффикса, грамматические варианты* и пр.) в настоящее время

в языкознании используются достаточно часто и весьма широко. Нередко они обрастают новым смыслом и нередко обесцениваются. Так, расширенное понимание термина *вариант слова* приводит часто к поглощению традиционных понятий лексикологии, грамматики. Например, лексическое значение слова иногда называют *лексико-семантическим вариантом*, а однокоренные синонимы — внутренне противоречивым термином *словообразовательные варианты слова*.

В рецензируемой монографии ее автор, С. Л. Попов, в соответствии с принципами когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии предпринимает попытку решить вопросы о том, как и почему варианты развивают язык, а именно какова в этом роль логики мышления и каков алгоритм восприятия вариантных явлений.

Решая эти задачи, автор прибегает к сведениям смежных с лингвистикой наук о степенях восприятия и обусловленном ими качестве логики. Положения теории аргументации позволяют ученому углубить теоретические представления о грамматических вариантах когнитивно-эволюционным обоснованием их сущности, функций и критериев. В конечном счете, данные сведения и положения позволяют автору применить перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов и на этом основании осуществить их семантико-стилистическую классификацию, с выделением центральных и периферийных явлений, демонстрирующих тенденции эволюции русской грамматики.

Объектом научных наблюдений автора служат формальные варианты слова, то есть варьирование в пределах тождества слова. Вариативность слова рассматривается как явление современного литературного языка. Поэтому С. Л. Попов счел необходимым акцентировать свое внимание: 1) на анализе актуальных фактов варьирования (что абсолютно не исключает при необходимости исторического и сопоставительного анализа вариативных пар); 2) рассмотрении вариантов в пределах не только норм литературного языка.

Анализ вопросов вариативности и вариантов исследователь проводит в плане их временного и внутрисистемного соотношения. Функциональный анализ он использует в основном для установления узуальных (стилистических, сочетаемых, позиционных и др.) особенностей вариантов (ситуативно-окказиональные мотивировки выбора вариантов отмечены лишь в отдельных случаях).

В монографии, на мой взгляд, применен функционально-динамический метод подачи материала. Термин *«функциональный»* в данном случае предполагает рассмотрение вариативных пар в контексте, дистрибутивных и стилистических разнородных условиях. Под термином *«динамический»* я подразумеваю анализ вариантов не в строго синхронной плоскости, а с учетом ретроспективы и перспективы данной языковой единицы. Дело в том, что вопрос о вариантах слова — это вопрос о тождестве слова при неодинаковости или даже при разнообразии совмещаемых в этом слове словообразовательных возможностей. Свидетельством тому может служить имеющее место в лингвистике мнение о том, что изучение истории языка невозможно без глубокого проникновения в природу лексической вариативности.

При исследовании и подаче иллюстративного материала автор также применил структурно-сопоставительный анализ вариантов. Этот прием направлен на выявление внутрисистемных причин варьирования и определение его характера, а также для установления коммуникативных преимуществ продуктивного варианта.

Рецензируемая монография состоит из четырех частей (разделов), логически связанных между собой.

В первой части своего исследования автор описывает языковую норму и грамматические варианты с позиции состояния их изученности на современный момент.

Опираясь на так называемые «антропонауки»: философию, логику, историю, юриспруденцию, социологию, аксиологию, биологию, физиологию, анатомию, психологию, С. А. Попов вслед за Н. Д. Арутюновой называет нормой в широком смысле «все виды и формы порядка», имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Автор предполагает, что нормы языка можно отнести к тем и другим, поскольку они и естественно-природны в силу стихийности их формирования, и социальны в силу зарождения в коллективном языковом человеческом мышлении и непрекращающихся попыток человечества их закрепить, или кодифицировать, как все прочее. Автор также придерживается позиции, что понятие нормы применимо «практически ко всем сферам жизни — явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. п.». По мнению С. Л. Попова, основные механизмы жизни сводятся к борьбе хаоса и космоса, закона и беззакония, отвечающих конструктивному и деструктивному началу, причем творчество связано как с тем, так и с другим.

Под вариативностью в современном широком толковании этой категории понимается существование, по крайней мере, двух модификаций одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексемы, конструкции, семантического комплекса). Структурно обусловленное варьирование наблюдается на всех уровнях языковой системы. В процессе функционирования языка вариативность обычно возрастает как за счет нейтрализации отдельных системных оппозиций, так и за счет прагматически обусловленного (социо-коммуникативного) варьирования языковых единиц. Таким образом, вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. В узком смысле вариативность определяется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии.

При всей известности понятия вариативности и распространенности его в специальной литературе оно остается неопределенным по объему и нечетким по содержанию. Для преодоления противоречий в трактовке данного понятия в процессе исследования варьирования слова как языкового феномена важно соблюдать и общелингвистические принципы (синтагматико-парадигматический, онтологичности, последовательности, полноты охвата материала и др.), и частнолингвистические, имеющие отношение к выделению именно модификаций слова в языке, а также соотносить их с правилами отождествления лексических единиц, установленными еще А. И. Смирницким.

Необходимо дифференцировать различные ипостаси лексической модификации слова: вариантности как свойства слова; вариантов слова как лексических единиц; вариантной лексики как совокупности нестабильных слов в той или иной страте; вариантных связей / отношений как связей / отношений между лексическими формами слова / слов; варьирования слова как явления и процесса видоизменения слова.

Языковая вариативность рассматривается в монографии как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемое в языке подсистемы и единицы как в формальном, так и в содержательном аспектах, в

синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир».

Актуальной проблемой автору видится изучение языка в действии, вербализация мысли, функционирование генератора слов. Вполне логично то, что решение этих вопросов невозможно без нейтрализации таких антиномий, как закономерность и индивидуальность, дискретность и целостность, одновекторность и многовекторность. Поэтому наиболее существенным для снятия этих противоречий С. Л. Попову вполне справедливо представляется когнитивный подход, ориентированный на мыслительную деятельность человека, а следовательно, на пути категоризации опыта человека с помощью средств языка. Нужно сказать, что в настоящее время вопрос о структуре языка, материальном субстрате идеальных образов, семантическом факторе, определяющем выбор языковых элементов, по-прежнему остается открытым. Сложность его решения обусловлена, прежде всего, гетерогенностью и гетерократностью плана содержания и плана выражения категориальных единиц языка как многомерных систем, представляющих организованное взаимодействие сетей отношений. В плане содержания единство категорий определяется инвариантностью значения, то есть общностью семантики, которая реализуется в зафиксированных значениях материальных элементов в качестве вариантов.

Существуют многочисленные концепции и теории вариативности; природа этого явления понимается лингвистами различно и порою довольно противоречиво. Расхождение во взглядах обуславливается, прежде всего, различным подходом к рассмотрению дихотомии «инвариант — вариант».

Решение указанной проблемы имеет первостепенное значение для теории вариативности, так как соответствующие понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены: инвариант существует лишь постольку, поскольку существуют его манифестации – варианты.

Иллюстративный материал монографии достаточно убедительно свидетельствует о том, что вариативность как языковое явление демонстрирует языковую избыточность, которая все же необходима языку. Будучи следствием языковой эволюции, вариативность становится почвой для дальнейшего развития языка. Избыточность формы – естественное состояние языка, показатель его жизнеспособности и динамичности. Более того, не всякая вариативность средств языкового выражения избыточна. Она становится таковой только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки – ни информационной, ни функциональной.

Следует отметить, что предлагаемое автором изучение вариантности в общезыковой сфере имеет большое научное значение в плане исследования онтологии этого явления. Монография имеет большое методологическое и практическое значение, поскольку варьирование обуславливает в сфере специальной речи явление субституции. Если вариантность / инвариантность является атрибутом языка (неотъемлемым свойством, без которого предмет не может ни существовать, ни мыслиться), то при реализации языка в речи он неизбежно проявляется согласно «законам логического следования понятий», а также принципу взаимозаменяемости, то есть если два имени обозначают один и тот же предмет, то истинное значение предложения не изменится, если одно из имен заменить другим.

Анализируя теоретические проблемы изучения грамматической вариантности, автор приходит к логичному выводу, что они состоят, с одной стороны, в частом непонимании динамичности нормы, с другой – в неоправданной аксиоматичности распространенного убеждения о том, что варианты развивают язык.

Вполне можно согласиться с С. Л. Поповым в том, что теоретическими недостатками в решении этого вопроса являются: 1) непредставление грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическим основаниям, то есть дифференциальным признакам таких вариантов; 2) чрезмерная обобщенность некоторых типов грамматических вариантов по грамматическим основаниям; 3) неверное отнесение некоторых вариантов к грамматическим ярусам, в том числе одновременное отражение одного и того же типа грамматических вариантов в разных разделах одного ортологического пособия.

Автор признает, что практические проблемы изучения грамматической вариантности заключаются в неверной дифференциации грамматических вариантов, в следующем из теоретического непризнания динамичности нормы конкретном невосприятии изменения норм, в игнорировании таких критериев признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Поэтому автор считает, что теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности следует решать в рамках когнитивно-эволюционного подхода.

Следующая, вторая, часть исследования посвящена изучению логичности грамматики как когнитивного коррелята логичности мышления и зависимости такой логичности от эволюционирующей успешности восприятия.

С целью раскрытия содержания эволюционной стороны когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматических вариантов в монографии автор описывает и уточняет основные понятия эволюционной эпистемологии: биологическая природа и последующая когнитивная специализация эволюции и ее потенциальная позитивность, непосредственная связь когнитивной эволюции и эволюции языка. С. Л. Попов попытался преодолеть распространенную среди лингвистов, в особенности западных, идеологию отрицания эволюции языков.

В результате диалектического представления отождествления логики и грамматики как тезиса и критики такого отождествления как антитезиса автор предложил их синтез: когнитивно-эволюционный алгоритм «эволюция восприятия → логичность мышления → логичность грамматики».

С. Л. Попов пришел к выводу, что восприятие и логика, качество которой зависит от качества потенциально эволюционирующего восприятия, являются базовыми понятиями когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматической вариантности.

Третья часть монографии посвящена когнитивно-эволюционной интерпретации грамматической вариантности. Опираясь на когнитивно-эволюционный подход к грамматике, обоснованный и продемонстрированный во второй части монографии, автор достаточно широко представил когнитивно-эволюционную интерпретацию грамматической вариантности. Он попытался уточнить функции грамматической вариантности и необходимое условие реализации грамматическими вариантами этих функций; выяснить аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции; определить критерии грамматической вариантности, необходимые для ограничения материала исследования; обосновать потребность применения положений теории аргументации при изучении и объяснении межвариантных различий; разработать метод дифференциации грамматических вариантов, основанный на понятиях теорий восприятия и аргументации; обосновать возможность и необходимость их обобщения по семантическим и стилистическим признакам; выявить корреляцию грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основу семантико-стилистической интеграции

грамматических вариантов. На основании большого иллюстративного материала и глубокого теоретического анализа исследователь выяснил, что, коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия и познания человеком действительности, Исходя из этого, С. Л. Попов заявляет, что «варианты развивают язык» (с. 139).

В своих теоретических рассуждениях С. Л. Попов руководствуется языковым критерием регулярности и когнитивным критерием смешиваемости.

Изучение положений теории аргументации позволило исследователю прийти к выводу, что наиболее веским аргументом является комбинация прямой эмпирической верификации и логического обоснования. Этот аргумент должен, по мнению автора, применяться при кодификации различий между грамматическими вариантами.

В конечном счете, автор предлагает свой перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, который, конкретизируя метод компонентного анализа требованием проверки результатов первого восприятия межвариантных различий, определяет степень восприятия этих различий и предполагает определение дифференциальных признаков путем применения аргументационного единства прямой эмпирической верификации и логического обоснования. При этом С. Л. Попов подчеркивает, что доказательность аргументов такой методики опирается на дедуктивность прямой эмпирической верификации маркеров семантических или стилистических характеристик в эксплицитных контекстах и на индуктивность допустимости таких маркеров – в силу отсутствия показателей других семантических или стилистических характеристик – в имплицитных контекстах.

Таким образом, обоснованы возможность и необходимость семантико-стилистической, с выделением центральных и периферийных явлений, интеграции грамматических вариантов.

Нужно сказать, что в монографии автор описывает только корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основы такой интеграции. К сожалению, вне поля зрения исследователя оказалась паронимия. Кроме формальных и семантических вариантов слов возможны и такие их видоизменения, которые различаются одновременно и в формальном, и в семантическом отношении, например: *варение* и *варенье*, *печенье* и *печенье*, *зубы* и *зубья*. В специальной лингвистической литературе они рассматриваются как разные слова. Имеются известные основания для признания подобных видоизменений слов вариантами (наравне с формальными и семантическими вариантами). Для их обозначения можно было использовать термин «формально-семантический вариант слова». Думается, что условие вариантности слова (отсутствие соответствия между семантическими и внешними различиями единиц), предложенное А. И. Смирницким, нельзя абсолютизировать. Оно «работает» на уровне отдельного лексико-семантического варианта слова, однозначного и многозначного слова, подвергающегося одинаковому формальному варьированию во всех звеньях семантической структуры, и приемлемо ввиду сохранности лексико-семантической общности для полисеманта, семантические и формальные видоизменения которого совпадают не полностью. Многозначное слово может иметь несколько рядов формальных вариантов как и, впрочем, синонимов, антонимов, паронимов, соотнесенных с тем или иным лексическим значением (см.: Ше-

пель Ю. А. Вопросы вариативности слова и языковой нормы в современном русском литературном языке. – Днепропетровск, 2010. – 370 с.).

В четвертой части монографии автор обращается к перцептивно-аргументационному описанию системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении, включая тенденции дифференциации и возможности интеграции. С позиции семантики и стилистики С. Л. Попов проводит систематизацию и описывает регулярные и смешиваемые русские грамматические варианты. В центре системы русских грамматических вариантов автор различает диспозитивные грамматические антонимы – значениями конкретности и абстрактности (типа *Он настоящий плакса* – *Он настоящая плакса*; *новая авеню* – *новое авеню*; *читатели ждут книг* – *читатель ждет книг*; *осуществляются продажи* – *осуществляется продажа*; *Он был мастер* – *Он был мастером*; *стакан чая* – *выпить чаю*; *выпить чай* – *выпить чаю*; *ждать поезд* – *ждать поезда*; *документы не сохранились* – *документов не сохранилось*; *пропустил урок из-за болезни глаз* – *пропустил урок по болезни*), партитивности и цельности (ср.: *три подруги* – *трое подруг*; *несколько сотрудников курит* – *несколько сотрудников курят*; *план по производству автомобилей* – *план производства автомобилей*), абсолютной и относительной процессуальности (например: *упаковывание* – *упаковка*; *прочитать* – *прочсть*), отношения к одушевленному и неодушевленному явлениям (ср.: *туристический* – *туристский*), количества не больше и потенциально больше двух (*двусторонний* – *двухсторонний*), непереходности и переходности (*обессилею* – *обессилю*), ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’ (*по окончании* – *после окончания*), внешней причины и внутренней причины (*пропустил урок из-за болезни матери* – *пропустил урок по болезни*), реального и потенциального адресования (*льготы ветеранам* – *льготы для ветеранов*); диспозитивные грамматические квазиантонимы – значениями: относительности и качественности (*минималистический* – *минималистичный*; *минималистский* – *минималистичный*; *американо-российский* – *американско-российский*), процессуальности и предметности (*осмысливание* – *осмысление*; *контроль за чем* – *контроль над чем*), ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’ (*внештатный* – *нештатный*), ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’ (*ехать поездом* – *ехать на поезде*); диспозитивные грамматико-стилистические синонимы – стилистическими характеристиками: нейтральности и разговорности (*слесарничать* – *слесарить*; *научно* – *по-научному*; *она секретарь* – *она секретарша*; *тракторы* – *трактора*; *к празднику 8-го Марта* – *к празднику 8-е Марта*; *чисти* – *чисть*; *машет* – *махает*; *более сухое место* – *место посуше*; *скорее* – *скорей*), современной нейтральности и устаревающей «высокости» (*тамбовец* – *тамбовчанин*; *по-дружески* – *дружески*; *весной* – *весною*; *вырежь* – *вырежи*; *по пять* – *по пяти*; *между соснами* – *между сосен*), официальности и разговорности (*решение ВАК* – *решение ВАКа*; *известный математик Ковалевская* – *известная математик Ковалевская*), нейтральности и официальности (*она журналистка* – *она журналист*; *в республике Болгарии* – *в республике Болгария*; *после окончания, в тот же момент* – *по окончании, в тот же момент*; *просьба предоставить убежище* – *просьба о предоставлении убежища*; *продукцию выпускают* – *продукция выпускается*), нейтральности и книжности–«высокости» (*Иван сдержаннее Петра* – *Иван более сдержан, чем Петр*; *дом, который построил Джек* – *дом, построенный Джеком*; *когда подписываете обращение, помните о последствиях* – *подписывая обращение, помните о последствиях*), нейтральности и раз-

говорности-публицистичности (*Харьковская область – Харьковщина*), книжности/официальности-«высокости» и устности-разговорности (*Андреевич – Андреич*), официальности и разговорности-публицистичности (*кандидатская диссертация – кандидатская*), современности и устаревания (*свойственен – свойствен*), современной нейтральности и устаревающей официальности (*ВАК решил – ВАК решила*), нейтральности и экспрессивности (*самый важный – важнейший*), книжности-«высокости» и экспрессивности (*наиболее важный – важнейший*), нейтральности и книжности-«высокости» (*самый важный – наиболее важный*); императивные грамматико-стилистические синонимы – стилистическими характеристиками: современной логичности и устаревающей нелогичности (*изготавливать – изготавливать; мок – мокнул; мокнувший – мокий; увидев – увидя; есть устриц – есть устрицы; в Сватово – в Сватове; из Камня-Каширского – из Камень-Каширского; за Андреем Черных – за Андреем Черным; сам факт – самый факт; директор пришла – директор пришел; английский и французский языки – английский и французский язык; дикие гусь и утка – дикий гусь и утка; работают мастер и ученик – работает мастер и ученик; все, кто работает – все, кто работают; по нем – по нему*), большей и меньшей логичности (*с Игорем Чижонком – с Игорем Чижонок; в Осаке – в Осака; Джоном Малкиным – Джоном Малкином*), современной экономности и устаревающей неэкономности (*достичь – достигнуть; нет клавиши – нет клавишей*), традиционной нейтральности и просторечности (*стандартизировать – стандартизовать; напои – напой; зажжет – зажжет; пылесосу – пылесосу; из тридцати восьми – из тридцать восьми; две/три/четыре новые книги – две/три/четыре новых книги; после окончания, в тот же день – по окончании, в тот же день*), современной нейтральности и устаревающей просторечности (*ущелей – ущельев; полотенце – полотенцев; дяди – дядя*), современности и устаревания (*подойдя – подошедши*), разговорности и просторечности (*мой домишко – мое домишко*), официальности и просторечности (*поступил в вуз по окончании школы – поступил в вуз по окончании школы*). На периферии системы русских грамматических вариантов они характеризуются так: диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты – употреблением в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения (*Он активнее, Он ведет себя активнее – Он более активный человек*), употреблением при числительном – подлежащем или дополнении, управляющем дополнением, и при управляемом числительным дополнении (*пять домов, построенных месяц назад – пять домов, построенных месяц назад*); грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно, – нейтральностью и разговорностью или нейтральностью и просторечностью (*в дыме – в дыму, в отпуске – в отпуску*), императивным вытеснением друг друга либо диспозитивной семантической или стилистической специализацией (*перифраз – перифраза*), императивным вытеснением друг друга или диспозитивной стилистической специализацией (*сто граммов – сто грамм*), отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков (*дискутировать – дискуссировать*), отсутствием семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков (*сосредоточивать – сосредотачивать*), отсутствием семантических и стилистических дифференциальных признаков (*те, кто работает – те, кто работают*); диспозитивные грамматико-стилистические синонимы – варианты нормативные и варианты ненормативные, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики – нейтральностью и потенциальной книжностью (*человек, который уви-*

дит это – человек, увидящий это), громоздкостью и потенциальной экономностью (*сделай так, чтобы я полетела – полети меня*).

В результате количественных подсчетов автор приходит к выводу, что диспозитивные грамматические варианты с семантическими различиями – грамматические антонимы и квазиантонимы – составляют менее трети общего количества исследованных случаев их дифференциации (28 из 105), однако в подтверждение известного ортологического убеждения (глава 1.2), отсутствие семантических различий, по его наблюдениям, компенсируется стилистическими различиями в пределах нормативности вариантов.

Особого внимания, на взгляд ученого, заслуживает стихийная логичная компенсация отсутствия в русском языке определенных и неопределенных артиклей десятью подвидами диспозитивных грамматических антонимов, различающихся семантикой конкретности и абстрактности.

Хотелось бы отметить, что в современной лингвистике существуют различные точки зрения на характер и природу вариантных отношений, содержание и объем понятий «вариант» и «инвариант». Так, широкое распространение получила теория, согласно которой понятие варианта как конкретной реализации языковой единицы противопоставлено понятию инварианта как абстрактной единицы, обладающей совокупностью черт и основных признаков всех ее конкретных реализаций, рассматриваемых как варианты данной единицы (с. 39). Инвариант в таком понимании представляет собой абстрактную модель единицы языка, в которой обобщены ее физические и функциональные свойства, некий идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд. Но автор почему-то не упоминает о том, что некоторые лингвисты при рассмотрении языковой вариативности приходят к выводу о необходимости отказаться от представления об инварианте / варианте, поскольку, по их мнению, оно не обладает достаточной объяснительной силой и не может с достаточной гибкостью включить все множество эмпирических возможностей. Предлагается при описании вариативности языковых единиц исходить из выделения двух зон: константных признаков единицы и вариативных признаков единицы. Константная зона при этом понимается как конкретный набор характеристик языковой единицы, остающийся неизменным при всех его модификациях в реальных условиях употребления. В варианте конкретной реализации проявляются все константные признаки единицы и часть ее вариантных признаков из общей зоны вариативности, что и формирует конкретный речевой вариант данной единицы. Константная и вариативная части могут видоизменяться по объему, но их наличие обязательно.

В отличие от модели языковой вариативности «инвариант / вариант», в которой инвариант считается единицей языка, а вариант – ее конкретной реализацией в речи, константно-вариантная модель рассматривает константные и вариантные признаки в одной плоскости. Представляется, что константно-вариантная модель не противоречит инвариантно-вариантной, а является ее развитием вширь, в горизонтальной плоскости, при рассмотрении вариантов первого порядка, то есть вариантов, противопоставленных инвариантам в вертикальной плоскости, вариантов конкретных реализаций языковых единиц. При этом речь идет о вариативности не самих языковых единиц, точнее, речевых вариантов единиц, а, скорее, о постоянстве константных и вариативности вариантных признаков речевых единиц, то есть о вариативности второго порядка, вариативности внутри самой единицы. Поскольку теория константности-вариативности разрабатывалась применительно к значению слова, очевидно, что она более уместна при анализе се-

мантического варьирования, в то время как теория инварианта-варианта является общепризнанной для рассмотрения формального варьирования. Под формальным варьированием при этом понимается наличие в языке единиц, имеющих общее или близкое содержание и различающихся, а иногда и не различающихся оттенками значения или другими дополнительными признаками. Это варьирование плана выражения при неизменности (инвариантности) плана содержания. Думается, интересными показались бы результаты анализа проблемы формального варьирования на уровне текста, что практически не изучено в современном языкознании.

Хотелось бы также выяснить вопрос о пределе вариативности. Формальные различия вариантов одного и того же слова не могут быть безграничными. Необходимость узнавания слова предполагает некий предел, за которым различие в форме влечет за собой разрушение тождества языковых единиц. Поиски предела в этом случае обычно связываются с разграничением вариантов одного и того же слова и однокорневых синонимов. В целом для современной лингвистики характерно постепенное сужение понятия «вариантность», в том числе и для понятия «вариант слова» (см. работы В. Виноградова, А. Смирницкого, О. Ахмановой, Н. Шанского, О. Москальской и др.). Несомненно, предел варьирования достаточно сложно определить из-за сложности и зыбкости самого материала, а также из-за непоследовательности лексикографического материала и лексикографической практики. Предел формального варьирования при сохранении тождества слова может быть найден лишь в самой форме. Все другие признаки языковых единиц с одинаковым содержанием (стилистическое различие, особенности в сочетаемости и пр.) факультативны и поэтому не могут являться классифицирующими.

На мой взгляд, следовало более четко показать на используемом автором богатом иллюстративном материале анализа грамматической вариативности, что морфологическим пределом варьирования слова в русском языке служит тождество морфологической структуры и морфемного состава сопоставляемых единиц. Несомненно, проведение этого принципа потребовало бы диахронического подхода, результаты которого далеко не всегда совпадают с формализованным анализом структуры слова. Но это продемонстрировало бы, что для варьирования слова в современном русском языке характерна не строгая смысловая специализация (формальные варианты обычно обнаруживают лишь тяготение к определенным лексическим значениям), а дифференциация вариантов в функциональном плане (стилистическом, сочетаемостном, позиционном и т. п.). Основным же различием вариантов слова служит их временное соотношение (старая и новая форма), что, в сущности, определяет и различное отношение к норме, и функциональное своеобразие.

Думается, что понятие словообразовательной инвариантности – это часть общей проблемы языкового изоморфизма плана содержания и плана выражения. Будучи проявлением особого свойства категориальной словообразовательной единицы, согласно которому одному означаемому могут соответствовать разные означающие, словообразовательная инвариантность ассоциируется с понятием словообразовательной синонимии в рамках теории тождества / различия, составляющих основу словообразовательной значимости. В связи с этим одной из ведущих представляется *проблема определения границ словообразовательной инвариантности и синонимии* – универсальных сущностей, изоморфных остальным уровням языка. Поэтому конфликт словообразовательной инвариантности и си-

нонимии не может рассматриваться с позиций поверхностного анализа: его разрешение затрагивает фундаментальные принципы семантики.

Вопрос о соотношении словообразовательной инвариантности и полисемии связан, прежде всего, с вопросом о степени семантической и физической близости сопоставляемых словообразовательных единиц – дериватов. В ряде работ современной лингвистики представлено неправомерное, на мой взгляд, сужение понятия «структурный семантический инвариант» таким образом, что семантическое тождество оказывается по сути его эквивалентом (см.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке / И. С. Улуханов. – М., 1977. – С. 9). Для других работ, целенаправленно или интуитивно отражающих структурно-функциональный подход к явлениям языка, характерна тенденция к расширению семантического пространства словообразовательного инварианта (см.: Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе, 1969. – 165 с.).

Не вызывает споров косвенно просматриваемое в монографии мнение автора о том, что проблема словообразовательной синонимии имеет подчинённый характер по отношению к проблеме словообразовательной вариантности / инвариантности. Хотелось бы заметить автору монографии следующее. Нельзя не учитывать универсальности явления синонимии, обнаруживающейся на всех уровнях языка. Лингвистическая традиция связывает синонимию не только со стилистическим употреблением, но и со стилистически однородными нейтральными образованиями. Двуприродная сущность единиц языка (план содержания и план выражения) приводит к идее необходимости двусторонней идентификации словообразовательных вариантов (ср. понятие фонемы как конструкта-субстрата акустического образа и понятия у С. К. Шаумяна и синтагмо-фонемы и парадигмо-фонемы у М. В. Панова). Если пределом варьирования словообразовательной семантики является полисемия, то пределом варьирования физической стороны словообразовательной функциональной единицы следует признать синонимию. Словообразовательная синонимия теснейшим образом связана с семантической словообразовательной вариантностью, хотя и не сводится к ней (семантический инвариант может соотноситься с одним словообразовательным типом). Тем более словообразовательная синонимия не может быть ограничена стилистическим аспектом языка, так как представляет собой совокупность словообразовательных типов (производных), которые могут быть сопоставлены одному категориальному словообразовательному значению.

На мой взгляд, следовало остановиться на описании того, что вариантные и синонимические форманты обладают рядом тождественных признаков: единством словообразовательного значения, наличием отношений свободной или дополнительной дистрибуции, различной стилистической функцией. Исходя из применяемого когнитивного анализа, следовало показать, что средством разграничения в данном случае служит критерий генетической общности, ощущаемой носителем языка: вариантные форманты обладают генетической общностью, для синонимических аффиксов наличие генетических связей безразлично. Последний критерий, однако, нейтрализуется соображениями о необходимости разграничивать диахронический и синхронический подходы в идентификации словообразовательных явлений. Иными словами, понятие вариантности поглощает понятие синонимии, область синонимических суффиксов, интегрирующихся в ряд словообразовательных инвариантов, ограничивается требованиями как семантического, так и физического тождества. Иначе говоря, в объём словообразовательного инварианта входит только часть элементов синонимического ряда. Стремление противопоставить вариантные и синонимические словообразовательные компоненты

исходит из предположения возможности интеграции их как контрастных оппозитивных явлений, ср.: «От суффиксальных вариантов, являющихся морфемами не только одного и того же значения, но и генетически родственными, следует чётко отграничивать синонимические суффиксы. Синонимическими суффиксами можно назвать такие суффиксы, имеющие общее значение, которые являются или воспринимаются с точки зрения “звукового оформления” как совершенно самостоятельные морфемы» (Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – М., 1959. – С. 93). Противоречивость утверждения снимается в известной степени иллюстративным материалом, свидетельствующим в пользу инклюзивности синонимов по отношению к вариативному словообразовательному ряду (суффиксы *-ние* и *-ение* Н. М. Шанский называет не только генетически родственными, но и синонимическими).

Автор рецензируемой монографии ушел от описания того, что многие модели словообразования существуют как конструктивные рамки, заполняемые в разные периоды истории языка одним и тем же морфемным, но разным лексическим наполнением. Об этом явлении в разной связи писали многие исследователи (В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, О. П. Ермакова, В. Н. Хохлачева, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, Ю. А. Шепель и др.). Следовательно, на мой взгляд, показать, что повторное использование морфемной рамки может определяться как историческими изменениями языка (то есть временным параметром), так и дифференциацией иного рода – разграничением сфер употребления в языке одного периода, что может быть связано с условиями функционирования (например, речь официальная / речь неофициальная), а также социальной, профессиональной или иной характеристикой говорящих. Хотелось бы обратить внимание на такой аспект этой проблемы: варьирование в сфере словообразования, порождаемое существованием двух разновидностей литературного русского языка: книжный кодифицированный язык / разговорный язык. Противопоставление КЛЯ / РЯ порождает словообразовательное варьирование разных видов.

Подводя итог своим рассуждениям о рецензируемой монографии С. Л. Попова, отметим: данное исследование еще раз подтверждает бытующее мнение о том, что проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности – как к свободному варьированию, которое не заслуживает внимания лингвистов.

Актуальность рассматриваемой автором проблемы состоит, таким образом, в рассмотрении вариативности как общего свойства, заложенного в самом «устройстве» языковой системы, как способа существования и функционирования всех единиц языка и в рассмотрении содержания понятий «вариант» и «инвариант» применительно к единицам разных уровней языковой системы.

Ю. А. Шепель

*доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук высшего образования Украины*